

НОРБЕРТ ВИНЕР

КОРПОРАЦИЯ «БОГ И ГОЛЕМ»

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

Корпорация «Бог и голем»

Комментарий
по поводу ряда проблем,
возникающих при столкновении
кибернетики с религией

*Посвящается Питу Хейну —
в благодарность за ободрение
и критику*

Предисловие

Несколько лет назад в книге «Человеческое использование человеческих существ» я поведал о некоторых этических и социологических последствиях публикации моей предыдущей работы «Кибернетика», где речь шла об управлении и коммуникациях в машинах и живых существах. В тот период кибернетика являлась относительно свежим веянием, а потому ни научные, ни социальные последствия ее развития не казались полностью очевидными. Ныне, приблизительно пятнадцать лет спустя, кибернетика уже оказала определенное воздействие на общество и науку, и, кроме того, произошло достаточно иных событий для того, чтобы оправдать появление новой книги в смежной предметной области.

Проблема безработицы, порождаемой автоматизацией, уже не выглядит гипотетической; она стала важнейшим фактором

существования современного общества. Кибернетические идеи, прежде казавшиеся программой на будущее и даже благочестивыми упованиями, ныне сделались основой эффективных практик машиностроения, биологии, медицины и социологии и преодолели значительный путь внутреннего развития.

Я прочитал немало лекций о том, как эти идеи соотносятся с этикой и религией и влияют на современное общество; думаю, настала пора попытаться синтезировать мои мысли относительно этой дисциплины и рассмотреть более подробно социальные последствия развития кибернетики. В этой книге я рассуждаю о тех же проблемах, которые поднимал в работе «Человеческое использование человеческих существ»*, однако здесь я позволил себе рассматривать интересные меня вопросы подробнее и полнее.

Чувствую себя обязанным отметить большую помощь, которую оказали мне своей критикой многие друзья по обе стороны Атлантики, в особенности мистер Пит Хейн из Рунгстеда в Дании, доктор Лоуренс Фрэнк из Белмонта, штат Массачусетс, и профес-

* “The Human Use of Human Beings”.

сор Карл Дойч из Йельского университета, а также многие другие люди. Кроме того, хочу поблагодарить моего секретаря, миссис Еву-Марию Риттер, за помощь в подготовке этого текста.

Мне представилась возможность развить и оформить свои идеи при чтении лекций в январе 1962 года в Йельском университете, а также на семинаре, который состоялся летом 1962 года в Colloques Philosophiques Internationaux* в Руайомоне под Парижем. Однако материал данной книги, несмотря на то, что она опирается на содержание моих лекций и дискуссий, был полностью пересмотрен и переработан.

С благодарностью всем тем, кто помогал мне в этом начинании.

Норберт Винер

Сэндвич, Нью-Гэмпшир

30 августа 1963 года

* Международный философский коллоквиум (фр.). — Здесь и далее примеч. ред.

1

Здесь я намерен обсуждать не религию и науку как таковые, а определенные вопросы той области знаний, которая меня интересует, то есть изучения коммуникаций и управления; мне представляется, что ответы на них находятся близко от той границы, где наука вторгается в пространство религии. Хотелось бы при этом избежать тех логических парадоксов, которые непременно сопровождают радикальные (и одновременно широко распространенные) притязания религии на познание абсолютного. Если трактовать знание исключительно как Всеведение, власть только как Всемогущество, а культ — лишь как Единобожие, нам грозит утонуть в метафизических тонкостях задолго до того, как мы действительно приступим к изучению взаимоотношений науки и религии.

Тем не менее множество вопросов, имеющих отношение к познанию, власти и культуре, непосредственно затрагиваются рядом последних научных достижений, и эти вопросы вполне возможно обсуждать, не прибегая к анализу абсолютов, каковые окружены таким количеством эмоций и таким почтением, что о них попросту не получится говорить беспристрастно и отстраненно. Знание есть факт, сила есть факт, культ есть факт, и эти факты допускают человеческое исследование, не отягощенное богословской традицией. Будучи фактами, эти положения подлежат изучению, и в нашем исследовании мы можем опираться на наблюдения за знаниями, властью и культом в других областях, более доступных для методов естественных наук, без необходимости требовать от исследователя безоговорочного согласия с принципом «*credo quia incredibile est*»*.

Может показаться, что, начав подобным образом, как бы вне религии, я тем самым заблаговременно увел обсуждение от проблемы взаимоотношений науки и религии, хотя ее изучение как будто бы заявлено в качестве темы данной работы. Посему следует уточ-

* «Верю, потому что невозможно» (*лат.*).

нить тему моих рассуждений и обозначить ту точку зрения, которой я далее собираюсь придерживаться, а также отвергнуть те намерения, которые являются чуждыми моей конкретной задаче. Как уже было сказано, на протяжении нескольких лет я работал над проблемами коммуникации и управления, будь то в машинах или в живых организмах; я также изучал новые технические и физиологические методы, относящиеся к разрешению указанных проблем, и исследовал последствия применения этих методов для достижения тех или иных человеческих целей. Знание неразрывно связано с коммуникацией, власть опирается на управление, а оценка человеческих целей плотно увязана с этикой и всей нормативной составляющей религии. Следовательно, для пересмотра взаимоотношений науки и религии требуется заново изучить наши воззрения на эту взаимосвязь с учетом последних достижений в научной теории и практике. Само по себе такое исследование вряд ли можно признать полноценным анализом взаимоотношений науки и религии, однако оно, безусловно, послужит отправной точкой для дальнейшего анализа.

Выполняя подобное исследование, при том условии, что имеется желание достичь

хоть какого-то результата, необходимо отринуть то бесчисленное количество предрассудков, которым мы обыкновенно и благоговейно храним верность, оберегая наши великие святыни от покушения (а на деле нередко попросту стараемся избавиться от чувства неполноценности, которое испытываем, сталкиваясь с неприятной действительностью и опасными сравнениями).

Если моя работа хоть на что-то претендует, она должна быть реальным исследованием реальных проблем. Надлежит вести это исследование так, словно мы стоим у стола в операционной, а не так, словно мы участвуем в церемонии оплакивания усопшего. Здесь недопустима и неуместна чрезмерная щепетильность; она будет даже сродни кощунству, как стремление модных врачей прошлого века у постели больного прятать хирургические иглы под шелковым лацканами своих черных сюртуков.

Религия, каково бы ни было ее содержание, часто производит впечатление запертой гостиной фермерского дома в Новой Англии: шторы опущены, над очагом стоят восковые цветы под стеклянным колпаком, позолоченные камыши обрамляют портрет дедушки на мольберте, а в углу фисгармония из

черного ореха, на которой играют лишь на свадьбах и похоронах. Или же ее можно охарактеризовать как моральный аналог неаполитанского катафалка, черного королевского экипажа с застекленными окнами, влекомого конями под черными султанами, которые словно даже за гробом утверждают высокое положение покойного в обществе — или хотя бы стремление к такому положению. Религия представляет собой серьезный предмет, рассмотрение которого нужно принципиально отделять от анализа личных духовных ценностей, имеющих меньшее значение, нежели сама религия.

Я уже упоминал о наслоении предрассудков, которое препятствует изучению этих вопросов в той важной общей области, где наука сходится с религией: мол, следует избегать рассуждений, где Бог и человек ставятся вровень — это-де кощунство. Подобно Декарту, мы должны блюсти достоинство человека, изучая последнего так, как мы не должны и не будем изучать низших животных. Теория эволюции и происхождения видов есть осквернение человеческого достоинства; первые дарвинисты на собственной шкуре прочувствовали, как опасно придерживаться подобных взглядов в нашем мире, где люди

в массе своей относятся к науке чрезвычайно подозрительно.

Но даже в пространстве научного сообщества выступление против установленной системы приоритетов сопряжено с большим риском. Ни в коем случае нельзя ставить рядом живые существа и машины. Живые существа суть живые существа во всех своих частях, а машины изготавливаются из металлов и прочих неорганических веществ и не обладают тонкой структурой, отражающей их целевые или квазицелевые функции. Физика — или то, что обычно понимается под физикой — не учитывает целлеполагания; а возникновение жизни в этом отношении является чем-то совершенно новым.

Если придерживаться всех этих табу, мы, возможно, заслужим широкую репутацию консервативных и здравомыслящих философов, но при этом крайне мало сделаем для дальнейшего развития познания. Ученому, а также умному и честному писателю наряду с умным и честным клириком, присуще стремление экспериментировать с еретическими или запретными взглядами, пускай он даже в конечном счете их отвергнет. Более того, не следует полагать, что подобное